

ANNE-GAËLLE HUON

Même les méchants rêvent d'amour



ALBIN MICHEL

Анн-Гаэль Юон
Я помню
музыку Прованса

Роман

Перевод с французского

Lettres

BELLES LETTRES

Москва, 2024

УДК 821.133.1

ББК 84(4)

Ю582

Переводчик ЭЛЬМИРА ЗЕЙНЕТДИНОВА

Редактор ТАТЬЯНА КОРШУНОВА

Юон, Анн-Гаэль

Ю582 Я помню музыку Прованса: [роман] / Анн-Гаэль Юон ; Пер. с фр. – М. : Альпина Паблишер, 2024. – 334 с.

ISBN 978-5-9614-8533-2

Молодая писательница Джулия приезжает в Прованс к своей бабушке Жанине, с которой случилась беда. Она находит адресованный ей дневник – Жанина начала вести его, понимая, что теряет память. Душевное, теплое и полное искренности повествование переносит нас в солнечный Прованс, наполненный тонкими ароматами лаванды и черных трюфелей, музыкой любви и атмосферой полузабытых тайн. Одна за другой, страницы дневника открывают Джулии историю ее семьи, полную драм и надежд, любви и коварства. Погружение в прошлое самым неожиданным образом отражается на жизни самой Джулии, в корне меняет ее и дарит прощение, вдохновение и надежду. Этот роман написан Анн-Гаэль с особой теплотой в память о ее любимой бабушке.

УДК 821.133.1

ББК 84(4)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

ISBN 978-5-9614-8533-2 (рус.)

ISBN 978-2-2264-3891-1 (фр.)

© Editions Albin Michel 2019
International Rights Management:
Susanna Lea Associates

© Издание на русском языке, перевод,
оформление.
ООО «Альпина Паблишер», 2024

*На эту книгу меня вдохновил дневник,
переданный мне бабушкой в то лето, одно
из последних, что мы провели вместе.*

*Ее память отправилась в далекие края,
но я надеюсь, благодаря этой книге
бабушка еще поживет в вашей памяти.*

Бабуле. С бесконечной нежностью

Забвение — самое искреннее из всех прощений.

Анна Барратен. Шагая по дороге

Танцуйте же, прошу вас,
Под этим ясным небом
На детские забавы мне радостно смотреть.
И пусть не огорчают
Вас бабушкины слезы —
Под слоем льда подснежник
Пробудится весной.

Софи д'Арбувиль. Бабушка

Эта история начинается в Провансе, в маленькой деревушке на холмах, окруженной виноградниками и залитой солнцем. По улочкам, между домами, крытыми круглой черепицей, плывет запах горячего хлеба, или душистого кустарника, или моря — смотря откуда дует ветер. На вершине холма стоит розовый домик, увитый глицинией и обсаженный оливковыми деревьями.

Не обращая внимания на жару, которая своим нежным прикосновением уже нагревает камни, Жанина прячется от всех за закрытыми ставнями и пишет. О детстве, о войне, о партизанах. О Провансе, о танцевальных вечерах, о безудержном веселье. О нежности. Перед ней кожаный бювар, толстый дневник, черно-белые фотографии. Вот юноша обнимает за талию улыбающуюся девушку. Ей не больше пятнадцати лет, пухлые щечки, купальник в клетку. Темные волосы прихвачены по бокам скромными заколками. Влюбленные позируют на песке. Красивые и счастливые.

Часы бьют девять. Пора принимать лекарства. От чего все эти разноцветные таблетки? Непонятно. Но Жанина прилежно принимает их — надеется, что врач сочтет ее благоразумной пожилой дамой. И каждый раз будто снова слышит, как он бормочет себе под нос. *Старческая деменция*. Сперва она улыбнулась шутке. Но врач произнес фразу, полную длинных слов, за такие в скрэббл дают втрое больше очков. *Альцгеймер. Нейродегенерация. Необратимая*. Жанина пыталась обнаружить в глазах врача надежду. Напрасно. Ушла испуганная, сжимая в руке рецепт. Вечером, читая медицинскую энциклопедию, она поняла: по мнению врача, что-то в ней уже умерло.

Жанина представляет себе свою память как утес, который хотят повалить ветра. Как скалу, которую подтачивает каждая набегающая волна. И вот уже месяц каждое утро, помыв посуду и застелив кровать, Жанина пишет. Усевшись перед портретом обожаемой внучки Джулии. Пишет, чтобы внучка знала, откуда родом. А главное, чтобы пролить свет на тайны, которые терзают саму Жанину. Засвидетельствовать, рассказать, а может, и простить — насколько это вообще возможно. Когда умираешь, больше всего жалко тех, кто остается, ведь часть их жизни уходит вместе с тобой.

Жанина достает из обувной коробки фотографию — как будто участник телеигры «Мотюс»* вынимает

* Телешоу, на котором угадывают слова, аналог «Поля чудес». —
Здесь и далее прим. пер.

из барабана черный шар и теперь должен пропустить ход. Тревожная музыка и расстроенные лица игроков. Ее отец. Ее черный шар.

Кто-то звонит в дверь. Жанина выглядывает в окно. Люсьена уже входит во двор. Жанина спешно собирает бумаги. Прячет коробку в шкаф и накрывает одеялом.

— Жанина, это я! Я приготовила тебе лазанью. Жанина, ты дома?

Жанина второпях закрывает шкаф и идет на кухню к Люсьене. Из-за больного колена та прихрамывает, но, увидев Жанину, улыбается. Люсьена стареет. Осунувшееся, изможденное лицо, юбка до полу — она словно сгибается под тяжестью лет. И все равно, сгорбленная, морщинистая, для Жанины она остается младшей сестренкой. Люсьена — родной человек. Она заходит два-три раза в неделю перед обедом. Два километра пешком после мессы. Дорога идет в гору, зато для ног полезно. Люсьена приносит пирог с инжиром или рататуй, журналы и лекарства. Обнявшись, они громко целуются, счастливые, что снова вместе. И, как обычно, садятся за стол, покрытый клеенкой. По кухне гуляет солнечный луч. Еще рано — та самая пора, когда женщины урывают свободный часок между утренними и дневными хлопотами.

Уткнувшись в газету, Люсьена изучает гороскоп. Ее жизнь определяют проповеди отца Мариуса, прогнозы погоды и астрологические предсказания. «По крайней мере, когда Люсьена окажется на небе, она там не пропадет», — думает Жанина.

— Ну что, милая Люс? Что там пишут в твоей газете? Умрем мы сегодня или еще подождем?

Люсьена поднимает глаза.

— Смейся! Планеты не врут. Послушай, что про тебя сказано: «Рыбы: неожиданное событие перевернет ваш привычный образ жизни. Настал момент признаться в своих чувствах».

Жанина хохочет.

— Это они про почтальона? Симпатичный паренек, будь я лет на тридцать помоложе, была бы не прочь перевернуть свой образ жизни...

Люсьена поглощена чтением и пропускает шутку мимо ушей. Жанина забирает у нее газету.

— А тебе что посулили? «Скорпион: события прошлого вернутся в вашу жизнь благодаря встрече или письму. Будьте осторожны». Ну и ну! Похоже, почтальону придется попотеть!

Люсьена ворча отнимает газету.

— Хорошие новости от Джулии, — говорит Жанина безо всякого перехода. — Работает над новой книгой. Наша девочка еще себя покажет, помяни мое слово!

— Если она такая же болтушка, как ее бабуля, я не удивлюсь, — бурчит Люсьена, глядя, как за окном падают листья.

Листок абрикосового дерева долго кружится, перед тем как улечься на террасу. Люсьена продолжает серьезным тоном:

— Старики боятся, что зима не наступит. Слишком тепло — плохо для трюфелей. А не будет трюфелей...

Жанина соглашается, скорее по привычке. Когда Люсьена не занята в церкви, она помогает в «Приюте путешественников», скромном гостевом доме у въезда в деревню. Не в сезон туристы здесь редкость.

— Что ж, во всяком случае почтальон никуда не денется! — веселится Жанина.

Она смеется от души. Люсьена — не так охотно. Из кладовки доносится сигнал таймера: стирка закончена. Жанина отодвигает стул, царапая плиточный пол. Медленно выходит из кухни. Люсьена ловко расстилает на столе газету и начинает чистить фасоль.

Жанина достает из стиральной машины ком белья. Несколько пар трусов, сиреневая ночная рубашка, два кухонных полотенца. Она все еще смеется над глупостями Люсьены. Признаться в своих чувствах! Жанина берет корзинку и идет в сад. Там пахнет хвоей, чабрецом и марсельским мылом. На верхушке дерева трещит сорока. Шаг за шагом Жанина поднимается по земляным уступам к бельевой веревке. И вдруг, ни с того ни с сего, у нее подворачивается нога. Жанина теряет равновесие, взмахивает руками. Отяжелевшее тело заваливается набок. Она пытается ухватиться за низкую каменную стенку, за ветки, за что-нибудь. Но этим утром природа бессильна. Жанина падает, ударившись головой о землю. Люсьена находит ее лежащей без сознания посреди выстиранного белья.

Три дня. Это все, что у нее есть. Три дня, выпрошенные у редактора с условием оставаться на связи. Джулия заходит на кухню и вздыхает. В доме все на своих местах. Клеенка на деревянном столе, фарфоровые котята, маленький телевизор, кружевные салфетки, купленный у почтальона календарь*. Джулия грустно улыбается. Она скучала по этому дому. «Почему я не приехала раньше?» В ответ — тяжелое молчание.

Несколько дней назад ей передали ключи и записку от отца: «Бабушка упала». В оцепенении она стояла с этим листком в руках перед клеткой с орангутаном в парижском Ботаническом саду. В своем убежище. Именно сюда она приходит, когда не пишется, а в последнее время такое бывает все чаще. Обезьяна

* Перед Новым годом почтальоны во Франции ходят по домам, зарабатывая себе «тринадцатую зарплату»: продают календари за ту цену, которую им предлагают покупатели.

разглядывала ее через стекло. В голове у Джулии вдруг прозвучал бабушкин голос: «Открой глаза, моя стрекозка». Несколько часов спустя она прыгнула в поезд.

Джулия ставит на пол чемодан в светлой спальне. Узнает лежащую на лоскутном одеяле подушку с вышивкой, обои в цветочек, на стенах по-прежнему висят ее фотографии, а полки заставлены книгами из серии «Розовая библиотека»*. Ей хотелось бы остановить время. Джулия включает отопление, грызет квадратики забытого в холодильнике шоколада, ненадолго задерживается в гостиной. Ее взгляд скользит по комнате и останавливается на кресле перед телевизором. Она словно видит на подлокотниках следы от бабушкиных рук. Горло сдавило. Она сдерживает слезы. «Только бы не расплакаться. Не сейчас, иначе не остановлюсь». Она берет себя в руки, возвращается в спальню и ложится в постель.

Ее обволакивает приятный запах стирального порошка. Кажется, что бабушка лежит рядом. Джулия так и слышит мерное дыхание, чувствует тепло ее тела. Раньше бабушка каждый вечер клала в постель грелку — и Джулия никогда не мерзла. А сегодня она дрожит от холода и, уже натянув свитер и носки, решает сходить еще за одним одеялом.

В соседней спальне тоже ничего не изменилось. Туалетный столик беленого дерева, войлочные тапочки. Изображения святых, портреты детей. На прикроватной

* Серия книг для детей и подростков, выходит с 1852 г.

тумбочке — родители Джулии в свадебных нарядах улыбаются фотографу.

В большом платяном шкафу пахнет розой и жасмином. Пальто, меха, платья и вязаные кофточки ждут счастливых времен. Джулия нежно гладит шелковую блузку и думает, как много та повидала на своем веку. Танцевальные вечера, маскарады. Танго, ча-ча-ча и вальсы на три счета. «Эта блузка слышала, как бьется ее сердце», — шепчет Джулия.

Она встает на цыпочки, чтобы достать одеяло. Одеяло падает, и что-то твердое ударяет ее по голове. Джулия чертыхается. На полу валяется выцветшая коробка с именем и телефоном парижского обувщика. Джулия удивляется, увидев на ней свое имя. Наверняка детские фотографии. Снимает крышку. Внутри — толстая тетрадь с фетровой обложкой. Джулия узнает бабушкин почерк. С любопытством открывает дневник и читает первую страницу.

1 апреля 2018.

Моя стрекозка!

Не знаю, когда ты это прочтешь. И не знаю, позволит ли моя несчастная голова довести до конца историю, которую я хочу тебе рассказать. Одно знаю точно: я этого уже не увижу.

Я долго не решалась написать. От застенчивости, стыда и, конечно, от недостатка храбрости. Но пришло время рассказать тебе то, о чем я раньше не осмеливалась говорить. Потому что моя голова прохудилась, воспоминания стираются, а память утекает сквозь пальцы. Потому что — и это самая главная причина — только зная, откуда ты пришел, узнаешь, куда идти.

Я храню свой секрет уже больше семидесяти лет. Если честно, даже не знаю, с чего начать. В моей жизни было столько бурь, потрясений, огорчений, трагедий и смеха! Все это сейчас кажется таким незначительным.

Итак. Я родилась в Сент-Амуре 24 февраля 1929 года под звуки опереточной арии о любви и отваге — и пронесла эту мелодию через всю мою жизнь.

Джулия не в состоянии читать дальше и закрывает дневник. От этого признания загорелось лицо, перехватило горло, она задохнулась. Почему бабушка ничего ей не говорила? Ошеломленная Джулия кладет дневник обратно в коробку и садится на кровать.

Я храню свой секрет уже больше семидесяти лет.

Какой секрет? Джулия обводит глазами знакомую обстановку, словно ответ прячется где-то между туалетным столиком и шкафом. Дрожь выводит ее из ступора. Она вновь берет толстый дневник и нежно проводит по нему рукой. Между страницами что-то заложено. Несколько фотографий, вырванный из блокнота листок, конверт, рецепт и даже список покупок. На то, чтобы все это прочитать, уйдет много часов. И что такого нового она узнает?

Смущенная — словно в неподходящий момент подглядывала в замочную скважину — Джулия натягивает рукава свитера на кисти рук и усаживается на замерзшие ступни. Дневник не дает ей покоя. Положить его на место

как ни в чем не бывало? Но на коробке написано ее имя. Джулия медленно перечитывает первую страницу. Впитывает каждое слово, растроганная знакомым до боли почерком. Она будто слышит бабушкин голос.

Глаза наполняются слезами, живот сжимается. С горечью, тревогой и чувством вины она пытается вспомнить, на что могла не обратить внимания. Вдруг бабушка скрыла от нее самое главное?

Джулия подходит к комоду с фотографиями. На одной из них — пятнадцатилетняя Жанина с ослепительной улыбкой. Джулия проводит пальцем по ее лицу. Конечно же она знает о бабушке все! Ее страхи, радости, слабости, ее жизнелюбие, разбитые мечты. Знает каждую морщинку на лице, как каждый браслет на своих запястьях. Джулия могла бы слово в слово рассказать все бабушкины истории, слышанные по сто раз. Имена, приключения и даже секреты! Те маленькие тайны, которыми делятся только в женском кругу и которые делают мужчин такими уязвимыми. Жанина часто ей что-то рассказывала, вспоминала прошлое, глядя на деревья в саду. Казалось, будто бабушка видела, как там играет ее сын, слышала, как муж рубит дрова и как одним июльским вечером скорая увозит его тело.

Джулия еле сдерживает рыдания. Знаем ли мы тех, кого любим? Сидя в этой комнате, она вдруг начинает сомневаться во всем. Немного поколебавшись, не в силах противостоять искушению, она лихорадочно переворачивает страницу.

Я появилась на свет в 1929 году в Провансе в узком домике, зажатом между прачечной и церковью. Моя мать Генриетта была скромной и набожной женщиной. Мой отец Жозеф — гордым и честолюбивым корсиканцем. На главной площади Сент-Амура он держал скобяную лавку — похожий на кунсткамеру лабиринт, в который мне позволялось входить, держа руки за спиной. Чтобы скоротать время, я гуляла вдоль полок, вполголоса называя по именам все эти чудные вещицы. Кофейник. Дурилаг. Масляная лампа. Кастрюля. Бриолин. Терка для сыра. Там были даже деревянные санки, каждую зиму вселявшие в меня напрасную надежду. Как я мечтала увидеть покрытые снегом кустарники!*

*Отец любил свое дело, и в его лавку приходили даже изда-
лека. С клиентками он был галантен, к их детям — внима-
телен. С его лица не сходила улыбка, даже когда неуклюжие*

* Здесь: общественное место в прованских городках и деревнях для стирки белья, с большим резервуаром для воды.

малыши опрокидывали коробки с шурупами и переворачивали все вверх дном на полках. «Хорошего дня, мадам!» — и его губы слегка касаются руки покупательницы. «Милая шляпка!» — и конфетка опускается в карман ребенка.

Поглаживая усы, он окидывал взглядом магазин, как любуется своей империей маршал, объезжая ее с инспекцией. «Каждая вещь на своем месте, каждое место — для определенной вещи», — бормотал он, выравнивая по линейке коробочки с гуталином. Под Рождество он проводил инвентаризацию, склонив лысеющую голову над гроссбухом и цокая языком. А я сидела в углу, затаив дыхание, и молилась, чтобы ему не попалась сломанная кукла, или облезлый оловянный солдатик, или плюшевый мишка с разошедшимся на животе швом. Зря старалась! Каждый год отец клал под елку непроданные испорченные игрушки, из-за них моя комната была похожа на средневековый Двор чудес*.

Отец ругал меня: «Было бы на что жаловаться! Деревенские дети и апельсину радуются!»

Я скрепя сердце молчу. Апельсин гораздо лучше одноглазого медведя.

* Квартал, населенный нищими, которые на улицах города изображали калек, а вернувшись домой, чудесным образом «исцелялись».

Джулия ставит машину возле белого здания и делает глубокий вдох. В каком состоянии бабушка? Положив руки на руль, Джулия собирается с силами. Она думает об отце. Сейчас он, должно быть, спит. Впервые она злится, что отец устроил свою жизнь по ту сторону океана. Дочери его отчаянно не хватает.

Джулия входит в залитый солнцем холл. В углу вещает телевизор. Миниатюрная старушка сидит в кресле и вяжет, на коленях у нее кошка. Рядом маленькая компания играет в карты. У всех на головах шерстяные шапочки. Толстые и пестрые. А на улице довольно тепло. Через приоткрытое окно врывается легкий ветерок. В саду копаются две рыжие курицы. Что это за место? Джулия встречается глазами с вязальщицей, та ей подмигивает, и Джулия невольно улыбается. Появляются два старика:

— Пьеро! Неужели это ты!

— Фернан? Ну и ну! Что ты здесь делаешь?

В объятия толстяка со слезами на глазах падает худой верзила в вельветовых штанах, протертых на коленях, и с пучком седых волос на недобритой щеке.

— Сколько лет прошло? Шестьдесят, не меньше?

— Не верится! Как вчера это было!

Толстяк, приложив руку к уху, просит повторить. Открываются двери лифта. Выходит пожилая женщина в поношенном пальто и длинной юбке. У нее все серое — от туфель до цвета лица. Джулия застыла, лицо кажется ей знакомым.

— Люсьена?

Бабушкина подруга детства не сильно изменилась. Строгий пучок, компрессионные чулки, затхлый запах нафталина. Люсьена не здоровается, качает головой, глядя на стариков:

— Как же грустно видеть здесь Жанину... Я прихожу сюда каждое утро. И каждое утро один и тот же цирк!

Джулия обнимает ее. Люсьена добавляет, будто о самой себе:

— Да, старость — не радость! Как это все печально...

Старики никак не могут прийти в себя. Низенький при каждой фразе хлопает себя по ляжке в совершенном восторге от встречи со старым другом.

— Как поживаешь? — спрашивает Джулия. — Я приехала вчера и...

Люсьена перебивает:

— Это я ее нашла. В саду, возле бельевого веревки. Как же так...

Она в расстройстве смотрит вдаль. Джулия не успевает ответить, как Люсьена восклицает:

— А вот и командирша! Убегаю. Если останусь — свихнусь.

Подходит медсестра лет пятидесяти, полная и жизнерадостная. Глаза так и сверкают. Джулия оборачивается — Люсьены уже и след простыл.

— А вы — внучка Жанины!

Джулия краснеет от удивления.

— Меня зовут Элиана. Вам разве не говорили, что вы на нее похожи? Идемте, я вас провожу.

Джулия идет за ней в лифт.

— У вас тут весело.

— Это точно. В первый раз все удивляются. Дом престарелых ничем не хуже клуба, вы уж мне поверьте. Надо только получше присмотреться. У нас есть такие кадры! Те двое, Пьеро и Фернан, вместе воевали, когда им было по восемнадцать, и случайно встретились здесь.

— Невероятно!

— Да, потрясающая история! И они ее проживают не меньше трех раз в неделю. У слабой памяти есть свои преимущества... Пришлось запретить им пить вино в обед — они требовали шампанского, чтобы отпраздновать встречу. А еще есть Марсель, который запекает «Марсельезу» всякий раз, как из бутылки вылетает пробка...

Джулия удивлена. Она не ожидала такого веселого приема. Элиана указывает на большую деревянную дверь:

— Вон та, в конце. Разберетесь?

Джулия кивает. Слова застревают у нее в горле. Она не успевает постучать, дверь открывается, за ней появляется смущенное лицо медсестры.

— Здравствуйте, мадемуазель. Если вы пришли к Жанине, то сейчас неудачное время. Простите, я позову кого-нибудь помочь.

Взволнованная, Джулия входит в комнату. Это не крошечная больничная палата, а хорошо обставленные апартаменты. Вот ведь, отец хоть и далеко, а обеспечил для Жанины самый лучший уход.

Посреди гостиной маленькая фигурка в кресле-каталке.

— Бабушка...

Жанина сидит лицом к полукруглому окну. Спина сгорблена, седые завитые волосы поредели. На ней блузка в цветочек, из слишком блестящей ткани.

— Бабушка, это я.

Жанина поворачивается и замирает. Испуганно разглядывает гостью. Джулия нежно кладет свою руку на бабушкину. Ее лицо озаряется.

— Лили! Вот и ты!

Джулия прячется в ее объятьях. Бабушка приятно пахнет, у нее мягкая кожа. Джулию накрывает волна счастья и меланхолии. Она пододвигает стул и садится рядом

с Жаниной. На столе белая скатерть, букет тюльпанов и еще теплый пирожок на тарелке в цветочек. Но ничто не может скрасить картину острого одиночества.

— Да это прямо дворец! — с наигранной веселостью восклицает Джулия.

— Да! Твой отец хорошо обо мне позаботился!

Джулия с трудом сглатывает слюну. Жанина подносит морщинистую руку к опухшему лицу.

— Видишь, какая я теперь некрасивая. И как это меня угораздило!

Внезапно она уходит в себя. Вернувшаяся медсестра спрашивает нарочито громким голосом:

— Ну что, Жанина, вы рады видеть внучку? Вы хоть немного поели?

— Оставьте меня в покое! Я хочу домой!

Джулии не по себе. Медсестра разрезает пирожок.

— Я пожалуюсь директору! Немедленно позовите его! — кричит Жанина.

Ее бьет дрожь. Джулия берет бабушку за руку, пытается успокоить. В гостиную быстрым шагом входит мужчина. Огромные зеленые глаза, бритая голова, кожаная куртка, под мышкой — шлем.

— Феликс! Слава богу, вы пришли! Скажите этой потаскушке, чтобы она убиралась отсюда!

— Надо же, Жанина, вы успели по мне соскучиться?

Феликс улыбается и делает медсестре знак, чтобы она ушла. Джулия в недоумении наблюдает за этой сценой. Кто такой этот Феликс?

Моя стрекозка!

Когда врач сказал, что у меня не все в порядке с мозгами, я рассмеялась ему в лицо. Хотелось верить, что это лишь временная усталость, сказывается приближение зимы или простая рассеянность. Но несколько недель спустя мне пришлось признать очевидное: голова отказывает, а мои воспоминания вот-вот скроются в голубой дали.

Я уже давно хотела рассказать тебе о своей жизни и о значимых для меня людях. Но всегда находились другие дела: то к врачу надо сходить, то белье постирать, то пирог испечь. А если честно, моя дорогая, я просто боялась. Окунувшись в воспоминания, можно ведь и утонуть.

И вот однажды я шла к врачу и встретила Симону — соседку, с которой мы иногда играли в бридж на стариковских посиделках. Мы с ней виделись пять месяцев назад, и она была в прекрасной форме, с нетерпением ждала свадьбы внука. Я подошла поздороваться и спросила, как

поживают молодые. Бедняжка долго смотрела на меня и не могла понять, о ком я говорю. У Симоны поехала крыша! И тут я перепугалась. Милая Лили, что же у меня останется, если ты тоже исчезнешь, — если я забуду твое имя, твой голос, твое лицо? От этой мысли у меня защипало в носу. А я-то собиралась дать болезни карт-бланш и сидеть сложа руки. После врача я поскорей пошла в канцелярский магазин и купила эту тетрадь — самую толстую, какая была. И поклялась не оставлять ни одной пустой страницы и держать оборону, сколько смогу.

Правильно ли рассказывать обо всем вот так, чтобы ты прочла это потом без меня? Мне хотелось бы видеть тебя, держать за руку, отвечать на вопросы, успокоить, когда ты будешь гневно хмурить брови. Но время играет против меня, так что самый верный и уж точно самый нестрашный способ — доверить свою историю дневнику.

Начав писать и открыв ящик Пандоры, я настроила свою старую бабку на последний бой. Мои нейроны стараются изо всех сил, в шкафу не должно остаться ни одного скелета. Весенняя генеральная уборка! Чтобы не терять нить, я взяла за правило гулять с блокнотом и карандашом, который точила так часто, что он стал совсем крошечным. Я делаю заметки и составляю самые разные списки. На обороте конвертов, на бумажках для записок, а вчера так даже на рекламном буклете, пока сидела в очереди к ревматологу. Я их вкладываю между страницами, чтобы ничего не забыть, надеюсь, они не помешают тебе читать.